

Григорий МАРК

ГРАВЕР
стихотворения

EFFECT PUBLISHING
NEW YORK
1991

И каждое Божие утро
Убийцы за правое дело
С глазами, сведенными правдой,
Единственной правдой на свете,
В прихожих бросают шинели,
Пружинистой четкой походкой
Проходят в свои кабинеты
Убийцы за правое дело.

И каждое Божие утро
Шуршат осторожно чулками
Испуганные машинистки
В прокуренных, желтых приемных.
Колышатся белые блузки
Над ворохом тайных инструкций,
И корчится в серой бумаге
Кириллица страшных приказов.

И каждое Божие утро
Убийцы за правое дело
Садятся на жесткие стулья.
Топорообразные лица
Опущены в пухлые папки.
Шевелят большими руками,
Решают судьбу имяреков
Убийцы за правое дело.

Расплавленное солнце
Стекает с острых шпилей
В асфальтовые лужи
Зеркальных площадей.
И застывает блеском
Витрин, автомобилей,
Одутловатой скучой
Гуляющих людей.
Расплавленное солнце
На площадях полощется,
Полотница из солнца
На всех домах висят,
По щиколотку в солнце
Слепой идет по площади,
И палка истерично
Стучится об асфальт.

Разбрзгивая солнце,
Расплавленное солнце...

СОВЕТСКАЯ СКАЗКА

По стране гуляет Лихо,
Партсобранья в жилконторах,
Чертовщина протоколов,
Бормотанье упырей.
Домовые-понятые,
Прокурор на прокуроре,
Всероссийское веселье
С часовыми у дверей!

Веселятся Василиски
В кабинетах на Лубянке,
Часовые Аты-Баты
Проверяют пропуска,
Расцветают на мундирах
Их погоны, как поганки:
„К нам приехал, к нам приехал
Замдракона из ЦК!”

Замдракона, Змей Горыныч,
Водку глушит благосклонно
И любовно отирает
Огнедышащий свой рот.
Голубая вьется нежить,
Лектор-леший из района
Повторяет установку,
Тарабарщину несет.

Водяные адмиралы
Запевают оробело,
Дирижер — упырь опухший,
Хор партийной мелюзги.
Змей Горыныч подмигнули
Ведьме с первого отдела,
Править бал куда как просто
Там, где вправлены мозги!

Пахнет паленою шерстью,
Замдракона отдыхают,
Топтуны из бывших урок,
Чье-то горе-не-беда,
Пахнет плесенью и смертью
От Москвы и до Китая,
Веселись, номенклатура,
До Последнего Суда!

ДОБРОНОСИЦА

* * *

Где-то в небе прозрачный рейсфедер
Регуширует дождиком ватман,
И деревьев зеленые сферы
Расплываются в блеклые пятна.
Набухающий центр акварели,
Словно след от застывшего взрыва,
И повисли осколки щрапнели,
Как пунктирная ось перспективы.

Ватман, вставленный в раму окошка, —
Аккуратный прообраз природы.
Дождь штрихует за домом дорожку
И на ней силуэт пешехода,
Провода над его головою,
И заметно уже еле-еле
За завесой сплошной, дождевою
Чья-то подпись в углу акварели.

Шершавый воздух исколот
Татуировкой цветных фонарей.
От прикосновения пальцев
Воздух осторожно вздрагивает,
Как тело женщины
Под холодной, хрустящей простыней.

Я зачем-то стою здесь все утро.
Наконец из дверей небоскреба
Выходит в шершавый воздух
Доброносица с сияющими руками
И направляется прямо ко мне.

Желтое солнце, как парашют,
Раскрывается за ее спиной,
Удлиняя размеры вещей.
Руки плывут над асфальтом,
Сочатся янтарным сияньем.

Ее серьги осколками солнца
Зажглись у меня в мозгу,
Отдаваясь болью при каждом движении.
И там, где она проходит,
Проступают в воздухе светлые дыры.

Я отчетливо вижу лицо,
Простодушное лицо программистки

С вылинявшими голубыми глазами
И деревянным нимбом, съехавшим набок.

* ...Паника. Слова пузырятся во рту.

Чужие серьезные братья
Поспешно подходят вплотную,
Как будто птенец я и выпал
На мокрый асфальт из гнезда.

Склоняются черною стаей,
Беззвучно бормочут молитвы,
Качаются бороды, шляпы...

Я зачем-то стою здесь все утро.
Солнце светит. На улице холодно.

Ветер воняет кипятком.
Аккуратно, как в детстве, ложатся
Пожилые женщины на скамейки
И на них засыпают чайные пакетики.
Прополкается сад, сорняки
И замечательные гиацинты.
За забором, за забором
Чьи-то скромные, скромные лица
Смотрят на меня из-за забора.
Нежный, морковного цвета, цветок
Задыхается, дышит, дышит
Мыслей, мыслей, мыслей.

Сквозь склоненные к земле головы
Вижу склоненную к земле голову.

* * *

Вернусь иностранцем к себе в коммуналку.
Все то же кирпичное, черное мясо
Лоснится в обглоданных временем балках,
И лампочка светит в углу безучастно.

И где-то у вешалки, в грязной прихожей,
Вверху, в отороченных пылью обоях,
Свисающих заживо содранной кожей,
Я в треснувшем зеркале встречаюсь с собою...

* * *

* * *

В капелле замерзшего леса
Зажглись канделябры деревьев:
Великая люстра сосулек
На землю сочится закатом.

Торжественно вытянув шеи,
Сидят неподвижные звери.
Закинули головы в небо,
И морды сияют блаженством.

Луна, разметав свои юбки
По бархату ложи небесной,
Рассматривает благосклонно
Притихшую публику леса.

Бежит по кустарнику шепот.
И слышно, как за горизонтом
Настраивают инструменты
Невидимые музыканты.

И ждут своего дирижера.

Господи...

Шансом последним,
Господи...
Не сбережешь
И обрушится пустотой,
Повторением,
Умиранием...
Господи,
Дай части Твоей
Не погибнуть
Вдали от Тебя,
Возродиться в Тебе,
Возвратиться в Тебя.

Мне больно.
Нам больно обоим,

Господи...

ОСЕННИЕ ПОВЕРЬЯ

Плынут над городом осенние поверья,
Антенны с крыш сгоняют их со свистом,
Стихи, поеживаясь, шепчутся в деревьях,
Старателю пытаются приснится...

Поверья, ставшие наивными стихами,
Шуршат в листве одеждою промокшей,
Плынут холодными осенними дождями,
Заглядывают робко в чьи-то окна...

Плынут поверья над языческой страною...

Седые люди, все забыв на белом свете,
Весь вечер обсуждают зло в природе.
И прокурор, вздохнув, отряхивает пепел
На блюдце с недоеденным пирожным...

Выходят женщины из теплоты постелей,
Привычно ищут белые окурки,
И кто-то, сгорбившись, читает неумело
Наивные стихи на тесной кухне...

Но неба свиток приоткрыт до середины...

ПОПЫТКА РОЖДЕНИЯ

Когда он ко мне повернулся,
И мы оказались вплотную,
Я стал замечать постепенно
Свечение третьего глаза:
Из точки, где сходятся брови,
Смотрел на меня с удивлением
Сияющий глаз, неподвижный.

Мне спорить уже не хотелось.
Мы молча сидели на кухне
И лбами почти что касались
Друг друга, как два коромысла
Весов, опустившихся с неба.
Лицо мое вверх поднималось.
Я взвешен и найден был легким.

Внезапно он вскрикнул, рукою
Слегка оперевшись на воздух.
И я сквозь рубашку увидел:
Дрожащие синие нити
По телу его заструились
С сухим электрическим треском,
Как тысяча маленьких молний.
И кухня на миг осветилась.

Беспомощно мне улыбаясь,
Он что-то сказать попытался,

И вспыхнуло снова сиянье
Огромного третьего глаза
Из точки, где сходятся брови.
Но я его больше не слышал:
Лицо мое плавало сверху,
Совсем отделившись от тела.

Я плыл, замирая от счастья,
Сквозь лица недавно умерших,
Сквозь лица родных и знакомых,
Сквозь вещи, забытые с детства,
Я плыл коридором спасенья
В сиянии третьего глаза,
И память о жизни и людях
С меня шелухой осыпалась.

И было пронзительно ясно:
Я жил свою жизнь как зародыш
Внутри материнской утробы,
Барабахтался, рос, развивался,
Готовился к этой минуте,
Великой минуте рожденья.
Но я не готов оказался,
И надо назад возвращаться.

.....

Когда, наконец, я очнулся,
Его уже не было в кухне,
Лишь в воздухе желтая точка
Дрожала остатком сиянья.

Я долго смотрел в эту точку,
И все мое грунное тело
Пыталось осмыслить частицу
Мне вдруг приоткрывшейся правды.

ПОРТРЕТ СТАРИКА В ОКОННОЙ РАМЕ

ДВОРЦОВЫЙ АНГЕЛ

Дворцовый ангел стынет на колонне.
Стекает небо в пасмурные лица.
Высокий крест мерцаet лунной бронзой.
В слезах зеленых — белые ресницы.
В слезах зеленых — столп Александрийский.
И не за что на небе уцепиться.
Раскинул крылья ангел — черной птицей,
Обломком бронзы, жест самоубийцы...

Антенна, как крест из бриллиантов,
Великой предсмертной наградой
Застыла в квадрате окошка
Над старым лицом человека
В дешевом двубортном костюме.

В лице шевелятся морщины.
По дугам, надбровным, застывшим,
Сползают, как будто в воронку,
Со лба, в переносицу, книзу
Сползают живые морщины,
Чтоб заново выйти наружу
У крыльев тяжелого носа.

А красный горячий обрубок,
Движением их управляет,
Качается между губами,
Горит неестественным светом
Набухшая капелька пота
В воронке, где сходятся брови,
И в пухлой бесформенной шее
Кадык разгоняет морщины,
Ползущие медленно к горлу.

Стекло постепенно темнеет.
Но в зеркале рамы оконной
Антенна, как крест из бриллиантов,
Дрожит над моей головою.

МАРТ

Отеки лиловых домов,
Тяжелые капельки ртути...
Приблизишься и заглотнет
Холодная капля. Лишь руки
Мелькнут из квадрата парадной,
Как фокус иллюзиониста,
Трамвай выплыает нарядный,
Беспомощный и шелковистый
Как гусеница на асфальте,
Облепленный мокрой рекламой,
Плынет сквозь блестящие пальцы
Факира из черной парадной...

Из мокрого снега оживает молитва,
Молитва из мокрого, синего снега...

* * *

Я помню, я ехал с работы,
Один, вдоль притихшего леса.
Машина плыла по асфальту,
Наматывая на колеса
Зеркальную ленту дороги...
И я засыпал постепенно.

Но вдруг словно дернуло током
От боли, сверкнувшей в затылке:
Лицо моей умершей мамы
Летело в соседней машине,
Струясь электрическим светом...
И было чудовищно тихо.

Прозрачные серые ветви
В зрачках ее плавно скользили.
Губами к стеклу прижимаясь,
Она повторяла все время
Какую-то длинную фразу...
И била в стекло кулаками.

Чужой желтолицый мужчина
С массивной седой головою,
Сидел рядом с ней неподвижно,
Сжимал колесо рулевое
Своими большими руками...
Глаза его были закрыты.

Все заняло две-три секунды.
Когда, наконец, я очнулся,
Их было почти что не видно
В струящихся мокрых деревьях...
Лишь в зеркале белые фары
Маячили на горизонте.

Я газ выжимал до предела
И видел, как свет исчезает.
Но все это было напрасно:
Я знал, у меня за спиной
Несется, огней не включая,
Машиной ее сквозь деревья...

ВСЕЛЕНСКИЙ ГРАВЕР

Окошко в стене,
Как гравюра на меди.
Пылает в закате
Воздушный ковер.
Как тщательно вырезал
Дерево в небе.
Влюбленный в детали
Вселенский Гравер!

* * *

ЧЕМПИОНАТ ПО МЕТАНИЮ БИСЕРА
(маленький киносценарий)

Верхушки деревьев зажглись за окном.
Поминальные свечи, дрожащие в небе,
Горящим кольцом окружают мой дом,
И стеклянное пламя струится с деревьев.

В промерзшей стране, где царапает снег
На рассвете стекло, и никак не проснуться,
Сугробы в окне, как в замедленном сне,
Под раздувшейся простынью снега крадутся.

И женщина в ватнике и в сапогах
Дирижирует хором подростков осипших.
Летает корявая палка в руках,
И колючкою перхотью небо крошится.

Засыпало поле, крыльца, дымоход,
Белизною сплошною нас всех заметает:
В пологие склоны земли, как сугроб,
Промороженный дой мой все глубже врастает.

Атлеты в красных трусах
С охапками времяобразных стихов
Трусцой выбегают на мокре поле.

Жидкие аплодисменты.
Стихи куда-то уносят.

За толстым стеклом на трибуне
Покровитель в толпе клевретов.

В рябоватом лице синхронно
Качаются желтые глазки
Над булькающим животом.

Благоговейное ожидание.

Покровитель привычным жестом
Ударяет в согнутый лагерный рельс.

Официальное открытие Игр.

Тела волосатых атлетов
Наливаются животною силой.
Изо ртов вылезают слова.
Слова о воскрешении умерших,

О том, как будут воссозданы
Те, кто давно погибли,
И выживут только слабые,
И смерти больше не будет
Для тех, кому жить не опасно.

Монгольские лица зрителей,
Опьяниенных своею судьбою,
Нависают над стадионом.

Сияют и вьются фразы
Вокруг языков атлетов.

Крещенко.

Голос Покровителя в микрофоне
Объясняет ускользающий смысл событий.
На трибунах медные скулы
Сверкают в лучах заходящего солнца.

Стадион постепенно пустеет.

Старуха-уборщица в белом платке
Выметает замусоленные слова.
Механические брезгливые движенья...

Ветер гоняет по стадиону обрывки бумаги.

Спина старухи заполняет кадр.

Конец.

* * *

Господи...

Ты бываешь во мне сверкающим,
Зеленым гипнозом лиственным.
Внутри меня, ускользающий,
Живущий среди бесчисленных,
Знакомых, полурастаявших
Обрывков невнятной истины.
Огромным моим раскаяньем,
Надеждой моей единственной,

Господи...